

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ А. С. НОРОВА

В 1834–1835 годах, когда в Египте свирепствовала чума, унося тысячи жертв, в Каире находился известный русский путешественник Авраам Сергеевич Норов. Элементарная осторожность повелевала ему прекратить свои странствования по долине Нила и вернуться на родину; тем более, что вскоре жертвой чумы сделался другой русский путешественник и востоковед, друг Норова, Гусев. Но страсть к познанию своеобразной древнеегипетской цивилизации оказалась сильнее страха смерти. И Норов довел свое путешествие до конца, побывав не только в Египте, но и в Нубии.

Два написанных им тома «Путешествий по Египту и Нубии» было бы неправильным считать только путевым дневником или отчетом о путешествии. Это оригинальное и ценное научное исследование, в котором подняты и освещены многие важные вопросы египетской истории и культуры, религии и искусства.

Всесторонне образованный человек, хорошо знавший труды древних греческих и римских авторов о Египте, а также всю современную ему литературу об этой стране, Норов усердно изучал труды Шампольона. Он приобрел настолько основательные познания в хитроумной египетской графике, что без труда разбирал имена египетских царей, написанные иероглифами, и некоторые другие тексты. Это позволило ему не только любоваться прекрасными памятниками старины, но и глубоко изучать и обследовать их, проникать в их сущность, лучше понимать эпоху, которая вызвала к жизни то или иное сооружение.

По своим взглядам Норов был далек от материализма. Но чутьем большого и вдумчивого исследователя он улавливал глубокую связь, которая существует между условиями жизни общества и его памятниками искусства.

Он восхищался древнеегипетской культурой и ее творцами — древними египтянами — «исполиным народом», который умел «постигать течение светил, когда половина земли была еще безлюдна». Он преклонялся перед мастерством древнеегипетских зодчих. Описывая один из храмов, Норов замечает, что «такое волшебное здание воздвигнуто не иначе, как властью необычайной, народом многочисленным, в память событий важных и предприятий исполинских...»

В своих трудах он обращает внимание на влияние египетской культуры на культуру других стран, в частности древней Греции.

Любовно, обстоятельно, со многими подробностями описанные им памятники древнего Египта сохранились далеко не полностью. Некоторые из них варварски уничтожены турками и арабами, употреблявшими остатки древних сооружений в качестве материала для своих построек. Другие разрушены или увезены жадными европейскими и американскими туристами или беззастенчивыми археологами. Третьи, как, например, храмы на острове Филе, навсегда похоронены под водами Нила¹. Поэтому описания Норова сейчас являются одним из тех источников, по которым историки воссоздают некоторые исчезнувшие навсегда древнеегипетские памятники. Многие его записи подкреплены мастерски сделанными с натуры набросками и рисунками.

Норов не ограничивался общим поверхностным знакомством с теми или иными историческими местами. Он взбирался на пирамиды, обследуя все их запутанные ходы и коридоры, спускался в подземелья, изучая гробницы, карабкался по крутым скалам, рискуя сорваться в пропасть. Если учесть, что Норов во время Отечественной войны 1812 года лишился ноги, то все сделанные им в труднейших условиях многочисленные походы надо охарактеризовать как научный подвиг. Спутник Норова — сотрудник русского посольства в Каире А. О. Дюгамель — писал; «Вместе с Норовым я взбирался на Большую Гизехскую пирамиду и до сих пор дивлюсь тому, как мог он со своей деревянной ногой совершить

---

¹ Остров Филе был частично затоплен в 1912 г. в результате постройки старой Асуанской плотины. В 1965 г. все памятники острова Филе были перенесены на остров Бига. В результате постройки новой Асуанской плотины в 1965 г. затопленными оказались практически все те места Нубии, которые посещал Норов.

такой трудный подъем».

Путешествие в «Долину царей» — через хребет Ливийских гор — чуть не стоило ему жизни. «Во многих местах, — пишет А. Норов, — мы должны были слезать с лошадей и ослов, которые даже и без седоков нередко обрывались. В трудных дефилях [ущельях, узких проходах] я менял мою лошадь на осла, но и это осторожное животное однажды оступилось на краю пропасти; я только что успел соскочить, или, лучше сказать, упасть, на другую сторону; осел обязан был своим спасением одной расщелине, которая его удержала, и мои бедуины с трудом извлекли его на тропу».

Подобных происшествий было много. Однажды, например, ползком пробираясь с факелами в руках в одну из древних гробниц, Норов и его спутники чуть не сделались жертвами нападения ядовитых змей. «Мы приближались уже к спуску в мрачную комнату... — пишет А. Норов, — как вдруг несколько огромных змей подняли шипящие головы при свете нашего факела; не быв приготовлены к такой встрече и не имев с собою никакого оружия, мы вынуждены были не тревожить прах Сезострисов [фараонов], оберегаемый такими стражами».

Неистребимая любознательность вместе с упорством в достижении цели помогли Норову сделать ряд интересных открытий. Он описал несколько таких памятных мест, которые оказались обойденными Шампольоном и другими исследователями. «Этот памятник не описан Шампольоном», — указывает А. Норов об одной из гробниц, и дает ее точное месторасположение. «По рельефной и живописной отделке картин, там находящихся, — продолжает он, — памятник должен стать наряду с лучшими произведениями искусства египтян в этом роде. Стена, находящаяся направо от двора, представляет картину звероловства; тут вы найдете полное собрание животных Египта... На противоположной стене видно приготовление яств, приобретенных звериной ловлею... Мы надеемся, что эти прекрасные картины не будут забыты в издаваемых коллекциях памятников Египта».

И они не были забыты. Благодаря Норову чудесные древнеегипетские изображения стали достоянием науки.

У мыса Джебель-Шейх-Саид Норов встретил старого слепого араба, от которого узнал о двух заброшенных древних гробницах, превращенных нищими феллахами в свое жилище. Обследовав эти гробницы, Норов по праву сравнивает их со знаменитыми Бенихасанскими. Вот отрывок из его описания:

«Первая комната имеет 14 шагов в длину и 11 в ширину; все стены покрыты изящными рельефами, но их можно видеть только на той стене, которая направо от входа, остальные замазаны штукатуркою, которая, будучи снята, покажет еще лучше сбереженные картины. Те, которые видны, представляют земледельческие сцены; стада пасутся и резвятся по лугам; волы пахут землю; ослы бредут, навьюченные хлебом и плодами; всё это обрисовано и раскрашено очень живо.»

Столь же обстоятельно описав и другие помещения гробницы, в которых, помимо живописных изображений, были и статуи, Норов заключает: «Я вошел в некоторые подробности, чтобы указать на эти забытые памятники, в которых археолог найдет много любопытного. Тут есть несколько других гробниц, но в них нет ни картин, ни надписей... Чтобы яснее обозначить изыскателям древностей это любопытное место, я прибавлю, что ближняя гора называется Джебелуль-Амарне; наискось отсюда виден островок ель-Бетше; между им и берегом множество отмелей, и потому ни одна барка сюда не пристает. Город Мелави находится за час плавания отсюда».

В этих строках, дающих точные координаты обнаруженных им гробниц и даже ряд примет, сквозит бескорыстная забота ученого, стремящегося облегчить труд другим исследователям и приобщить к науке новый ценный материал.

Интересное открытие сделал Норов в неприступных скалах Птичьей горы (Джебелуль-Тейр — по-арабски), возле заброшенного Коптского монастыря. «Я направился прежде всего к каменоломням, — пишет Норов, — и к немалому удивлению увидел на самой первой скале колоссальную рельефную картину самого древнего египетского стиля, изображающую две

женские фигуры в покрывалах, стоящие перед Анубисом [песьеголовый бог бальзамирования]. С трудом я мог разобрать кое-что из начертания двух фараонических имен. За этой скалою открылась мне гробовая пещера с отличными героическими рельефами, легко забеленными; тут я мог разобрать имя фараона Рамсеса IV. Здесь весьма замечателен карниз, составленный из украшений, перемешанных с кольцами имен фараонов. Вот еще несколько листков для истории Египта, забытых в этих скалах; желательно, чтобы это место было исследовано... Много еще предстоит открытий в Египте, если мы отклонимся от обыкновенных путей и будем приподнимать песчаный покров пустыни».

Маршруты Норова тем особенно и примечательны, что они всё время отклонялись от «обыкновенных путей». Русский путешественник не любил идти проторенными дорогами. Он пытливо искал заброшенные и труднодоступные места, обойденные другими исследователями. Поэтому-то и удалось ему обнаружить немало интересного и важного, что сейчас прочно вошло в научный обиход египтологии.

В заключение укажем на открытый Норовым в Карнаке небольшой рельеф, подтверждающий сообщение Шампольона об одном из походов фараона Шешонка (X век до нашей эры). Норов не только подробно описал свою находку, но и «со всевозможною верностью срисовал этот замечательный рельеф, с небольшим отрывком иероглифической подписи, чрезвычайно искаженной...»

Высоко ценя заслуги Шампольона, раскрывшего секрет чтения иероглифов, Норов осуждает его за уничтожение некоторых исторических памятников, изъятых с помощью лома и кирки из того места, где они были найдены, и вывезенных во Францию. «С прискорбием должен я сказать, — пишет Норов, — что этот самый Шампольон, принеший важные услуги ученому свету, наложил святотатственную руку на многие изящные альфрески фивейских гиппогей [настенных изображений]: он выламывал целые картины.. »

Тогда археология только нарождалась как наука и методы работы Шампольона были очень в ходу. Их практиковали все без исключения западноевропейские ученые. Норов решительно отвергает эти хищнические приемы, которые ведут к разрушению археологического комплекса.

Он тоже приобрел и вывез для России ряд ценных экспонатов — статуй и статуэток, папирусов, жуков-скарабеев, но сделал это без малейшего ущерба для какого-нибудь археологического памятника. Более того, вывозя некоторые статуи, он спасал их от грозившего им уничтожения.

Норов гневно восстает против намерения французского консула «отторгнуть от стены» некоторые абидосские изображения. «Я горячо вступился за остатки Абидоса, и без того уж малые, — пишет русский путешественник. — Он стал мне указывать на мою богиню Нейт²; я отвечал, что однако я не ломал стен, подобно Шампольону, и как он сам намеревался делать...»

С яростью обрушивается Норов на невежественных управителей Египта. Они не только ничего не делали для сохранения древних памятников своей страны, но и подчас сами способствовали их разрушению. «Нельзя видеть, без негодования на правительство, положение, в котором теперь находится этот памятник, — пишет Норов об одном из храмов в Омбосе. — Внутренние чертоги, которые сохранились одетые превосходными рельефными изображениями и иероглифами, служат загоном для ослов, искажены и поруганы с намерением».

Велики заслуги А. С. Норова перед русской египтологией, у преддверья которой он стоял. К его «Путешествиям» еще не раз будут обращаться египтологи, историки искусства и исследователи культуры древнего Египта.

---

² Нейт — львиноголовая богиня, почитавшаяся в Саисе. В данном случае Норов ошибся. Статуя, которую он обнаружил среди груды разбитых статуй в Карнаке, изображала свирепую богиню войны Сохмет. Сейчас она хранится в Эрмитаже.